

LONDON 3 HOLES ↻



МНЕ
НУЖНА
ОНА!



ЛИПКИН
НИКОЛАЙ



18+

Николай Аркадьевич Липкин

Матильда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67390191

SelfPub; 2022

Аннотация

Простая, как грабли, старая, как бивень мамонта семейная история. Он ее любит, она его нет. Что могло пойти не так?

Николай Липкин

Матильда

Матильда была старше Виталика на один год и десять месяцев. Они жили в соседних домах, ходили в один детский садик, учились в одной школе, дружили с одними и тем же дворовыми ребятами. И в раннем детстве, и подростком, и молодой девушкой, Матильда всегда выделялась своей внешностью: пышные рыжие волосы, нежная кожа, большие карие глаза с налетом томности во взгляде, изящная худенькая фигурка, при этом с довольно рано созревшими атрибутами женской прелести. В подростковом возрасте, когда количество лет – есть предмет гордости, почти два года разницы – это много. Она встречалась с парнями, которые старше ее, не обращая на Виталика никакого внимания.

Однажды они целовались. В подъезде компанией играли «в бутылочку». Пара, которой выпадало целоваться, уходила на этаж выше. Виталику тогда исполнилось тринадцать лет, и это был его первый поцелуй. У Матильды оказались мягкие, поначалу кажущиеся чуточку холодными губы. Перед поцелуем, она долго-долго с непонятной улыбкой смотрела на него, затем, обвив руками его шею, закрыла глаза и притянула к себе. С той минуты он ее полюбил. Первой, щенячьей любовью: стыдливой и непристойной, бессмысленной и безнадежной.

Время шло, меняя и расставляя все по своим местам. Виталик окончил институт по какой-то трудно запоминаемой технической специальности, устроился на работу с очень хорошей зарплатой. В это же время у него умерла бабушка, оставив в наследство квартиру. На следующий год после окончания института он женился. Жена – маленькая, молчаливая девушка с пухлыми земляничными губами и упрямым подбородком. Приятная, симпатичная, из хорошей, как и он, семьи, в следующем году заканчивала экономический университет. Все ему говорили ему, что пора жениться, что жениться – это надо, это необходимо. Он и женился, толком не разбираясь, кому это надо и зачем. Только благодаря упрямому подбородку жены и его нерешительности брак продержался два года и четыре месяца.

Матильда окончила колледж бизнеса и права, пробовала поступать в университет на юридический. Опять же, не потому, что испытывала тягу к юриспруденции, или потому, что предполагала с помощью высшего образования достичь для себя чего-то лучшего, большего. Просто после колледжа все туда шли, уверяли, что это нужно, это хорошо. Не поступила. Некоторое время жила гражданским браком с мужчиной, который был почти на десять лет ее старше. Ушла от него. Затем пробовала жить с другим парнем: поначалу все складывалось хорошо, пока он не начал пить. Пил по-настояще-

му, по-черному, иногда неделями не выходя из запоя. Потом, отрезвев, пускал слюни, клялся Матильде в вечной любви, и что это, конечно же, в самый-самый последний раз. С ним она вытерпела почти восемь месяцев, затем все же бросила и вернулась к родителям.

Однажды у Виталика сломалась машина и после работы он поехал домой на автобусе. Было уже поздно, почти десять. Матильда на том же автобуса возвращалась из гостей от подруги Насти. Той на день рождения муж подарил потрясающее, жутко дорогое платье: короткое невесомое, с глубоким разрезом на спине. Настя же была маленькая, толстенькая, со слоноподобными ногами – платье шло ей, как корове седло!

Настроение у Матильды было ужасное. Виталик предложил попить пива, она с радостью согласилась: домой к родителям не хотелось совершенно. На улице шел мелкий дождь и он, набравшись смелости, пригласил ее к себе домой. Весь вечер они пили пиво с чипсами и сушеными кальмарами. Матильда оказалась хорошей собеседницей: интересно рассказывала, когда нужно – внимательно, с интересом слушала. В полпервого ночи Виталик проводил ее домой. Через два дня (была пятница, вечер) он снова ей позвонил и пригласил в гости.

Тем для разговора почему-то никак не находилось. Чтобы сгладить неловкость, Виталик предложил посмотреть ка-

кой-нибудь фильм. Выбор почему-то пал на «Титаник».

В тот момент, когда главные герои занялись любовью (та знаменитая сцена в салоне автомобиля, с рукой на влажном стекле), Виталик положил свою руку поверх руки Матильды. Она ее не убрала. Он обнял ее за талию, притянул к себе и поцеловал в щеку. Поцелуй получился неловким – у Матильды были длинные пышные волосы, пахнувшие детскими мятными конфетами, они липли к губам, не давая добраться до кожи. Свободной рукой Виталик нежно отодвинул их назад, чтобы без помех добраться до щеки, она же в ответ повернула голову, подставляя для поцелуя губы.

На этот раз Матильда осталась до утра. Теперь Виталик полюбил ее по-настоящему. Не восторженным подростковым обожанием, а взрослой осознанной любовью. Ему в ней нравилось все: спокойная уверенная красота, аккуратность, какая-то пропорциональность во всем: чертах лица, косметике, одежде, редких украшениях, туфлях с острыми носиками, манере говорить, улыбаться спокойной, уверенной в своей прелести улыбкой, неторопливых гибких движениях. Женская ухоженная чистота маленьких беззащитных пальчиков ног, родинок, гладких круглы коленок, тонких кистей рук с голубыми жилками, тщательно выбритых подмышек, теплый, молочный, как у младенца, запах свежести кожи.

Матильде доставляли удовольствие постоянное мелкое внимание со стороны Виталика, ощущение уверенности в

его любви, которых она совершенно была лишена со своими предыдущими парнями.

На пятый месяц их отношений в положенный срок у Матильды не начались месячные. Она подождала десять дней и купила себе экспресс-анализ на определение беременности. Тест дал положительный результат. Матильда сообщила об этом Виталику, тот в ответ сделал предложение. Через месяц ей исполнялось двадцать семь лет, за плечами два гражданских брака и одиннадцать дней задержки. Она согласилась.

Тест-полоска гарантировала правильный результат в 99% случаях, Матильде, похоже, выпал именно тот единственный процент: через неделю цикл восстановился. Свадьбу отменять не стали.

Жили они хорошо. Виталик ее любил, открывая с каждым днем в ней все новые и новые достоинства, не замечая недостатков, которых было и не много. Матильде замужем также нравилось. Возможно, самим наличием полноценного официального мужа, о котором можно рассказывать подругам и многочисленным маминым родственникам, с которым приятно выйти «в свет» или просто прогуляться под руку по городу. Нравилось не думать о деньгах, покупать себе не то, на что их хватает, а то, что действительно хотелось купить. Убирать квартиру (свою личную квартиру, а не родительскую), вести хозяйство (самой, а не вместе с мамой). Однако мужа своего она не любила. Хотела любить, но не любила. Ее

раздражала его нерешительность, старание всегда и со всеми избегать конфликтных ситуаций.

Например, если они ехали в такси, Виталик никогда не торгуясь, давал таксисту столько, сколько тот просил, даже если сумма была явно завышена. Совершенно не умел договариваться с официантами и продавцами, какая-то детская робость перед ними. Поэтому они неизменно его обманывали. А как он ездил на машине! Уступая всем дорогу, даже если от этого оказывался в худшем положении. Со светофора давал обгонять себя менее мощным и дорогим машинам. Да и что за дурацкое ребячье имя у него – Виталик! В понимании Матильды настоящий мужчина не должен так себя вести. Настоящий мужчина должен быть наглым, нахрапистым, уметь со всеми договариваться, добиваясь своего всегда и везде. Она считала Виталика мямлей и от того не уважала. А женщина не может любить мужчину, которого не уважает.

Однажды они вместе с подругой Настей и ее мужем – длинным малохолдным очкариком с загадочным именем Августин, собрались поехать в лес на шашлыки. В компанию к ним с бесцеремонным простодушием напросились соседи Виталика и Матильды по этажу: Дима – здоровенный детина, бывший десантник и его жена Люба – забитое, совершенно запуганное жизнью и мужем, существо.

Несмотря на значительные габариты, Диму развезло быстрее всех. Уже после третьей рюмки в его глазах появились

агрессия, злобная презрительность ко всем и вся, нереализованное чувство превосходства.

Августин неожиданно оказался великолепным рассказчиком, и он начал очень интересно и остроумно рассказывать о своей недавней поездке на конференцию во Францию. Диму, Франция, похоже, абсолютно не интересовала, он искал, куда бы приложить свою неизрасходованную энергию.

Из присутствующих девушек, Матильда явно выделялась своей красотой, и Дима стал откровенно за ней ухаживать, требуя ответного внимания с той же хамоватой простотой, с которой напросился с ними на пикник. Сначала Матильда старалась на это никак не реагировать, делая вид, что вся поглощена повествованием настиного мужа. Но затем ее начало злить, что ее собственный муж на это никак не реагирует. И когда Дима в очередной раз подлил ей вина, хотя бокал был более, чем на половину полным, она ему улыбнулась. Дима, расценив это, как прямое предложение, подсел поближе. Матильда повернула к нему голову, на лице оставалась улыбка от какого-то очередного остроумного замечания Августина. Дима же решил, что эта следующая улыбка предназначена ему, как одобрение на его действия, сел еще ближе и обнял ее за талию. Матильда убрала его руку, он же, подумав, что это такое заигрывание, положил ее снова, чуть пониже. Матильда попыталась убрать руку, но на это раз Дима цепко ухватился за ее бедро. Наконец, с усилием ей все же это удалось оторвать от себя димину руку.

– Сучка, – раздосадовано бросил Дима, демонстративно зевнув. Матильда залепила ему пощечину. Дима в ответ толкнул ее в лицо открытой ладонью так, что она повалилась на траву. Все так же демонстративно, с ленью поднялся, чтобы вернуться обратно на свое место. Августин на некоторое время замолк, затем, нервно сглотнув слюну, продолжил рассказывать, как будто ничего и не произошло.

Виталик подошел к своей жене, помог ей подняться. Убедившись, что все в порядке, молча приблизился к Диме и со всего размаха нанес ему удар в челюсть.

Виталик был почти на голову ниже Димы и, наверное, раза в полтора уже в плечах. Оторопев на некоторое время такой наглости, Дима расствирепел:

– Да я тебя... Порву, как марлевые трусы!..

От первого удара Виталик успел защититься левой рукой, однако тут же за ним последовала целая серия мощных ударов в голову и туловище. Дима бил без остановки разбивая в кровь губы, нос и брови соперника, затем следовали точные, короткие удары в живот, по печени. Кровь размазалась по лицу Виталика, моментом заплыли глаза, из носа текла красная юшка. Несмотря на это, низко наклонив голову, неумело прикрывшись руками, он, пер на Диму, пытаясь ему отвечать редкими, неумелыми ударами.

Дима ударил снова. На этот раз не в голову, а в солнечное сплетение. Удар прошел, Дима хорошо прочувствовал, что

кулак попал, туда куда нужно. От такого удара обычно падают на землю, корчась от боли, жадно ловя воздух, забывая обо всем. Виталик и упал, но тут же встал и пошел на Диму. Тот опять ударил. На этот раз ногой, сначала в лицо, затем по почкам. Виталик снова упал и снова поднялся. Итак, снова и снова. Вид его был ужасен: разорванная, красная от крови рубашка, «с мясом» вырванные пуговицы, опухшее, в кровоподтеках лицо. Шатаясь, он стоял, неловко поднимая руки, чтобы хоть как-то защитить себя. При этом за все это время он не издал ни одного звука. Он просто падал и вставал. Снова падал и снова вставал.

– Да я! Да я тебя, сука!.. – поначалу все свои действия Дима сопровождал бранью, заводя себя этим. Однако после каждого удара, когда его соперник вставал, хотя не должен этого делать, а должен был лежать и скулить, выть от боли, как побитая собака, ругани становилось все меньше и меньше.

Дима в очередной раз «уронил» Виталика прямо на недожаренный шашлык и резанные овощи, уже лежащему добавил для остротки два удара ногой в живот.

Виталик поднялся, сжимая в руке нож.

– Если ты не извинишься, я тебя убью, – тихо, с расстановкой произнес он.

Нож был маленький. Обычные перочинные ножик, сантиметров десять длиной. К тому же держал Виталик его непра-

вильно, вытянув перед собой, зажав большим и указательным пальцами. Таким ножом можно порезать, но не в коем разе нельзя убить. Дима это хорошо знал, его этому учили. Но он уступил.

– Извини, – буркнул он, глядя себе под ноги, развернулся и побрел куда-то в лес, со злобой пнув по дороге рюкзак Августина.

Сдача Димы – большого, сильного человека была очевидной, и с этого момента к Матильде пришло осознание, что нежелание демонстрировать силу – не есть ее отсутствие, а, возможно, наоборот, признак еще большей внутренней силы. Осознание, но не понимание, и от того злость. Раздражение, потому что в ее представлении о муже, как о «тюфяке», появилась большущая трещина, и то хорошее, понятное объяснение неспособности полюбить его по-настоящему (несмотря на явную в том потребность) – разрушилось само собой.

Матильда стала тщательно анализировать свое отношение к своему мужу. Он был явно ей не безразличен. Ей нравилась его внешность, подтянутая фигура. Она видела, что Виталик пользуется успехом у других женщин. Когда они вместе выходили куда-нибудь, она с удовлетворением замужней женщины ловила на себе завистливые, оценивающие взгляды соперниц. Доставляли удовольствие его ласки, как он гла-

дил ее по волосам, запуская растопыренные пальцы, нежно расчесывал их, затем массировал затылок, шею, и дальше вниз, перебирая каждую косточку позвоночника. Нравилось заниматься с ним любовью. Однако все же она его не любила. Не было той страстной, трепетной влюбленности, которую она испытывала в своих первых отношениях. После секса с мужем, несмотря на то, что Матильда никогда не оставалась неудовлетворенной, порой в ней появлялась непонятная грусть, настоящие приступы которой подкрадывались просто так, вдруг, ни с того, ни с сего. А она принадлежала к тому, довольно распространенному типу женщин, у которых все в жизни и, главное, в чувствах должно быть четко определено, понятно, аккуратно разложено по полочкам.

Некоторое время Матильда работала бухгалтером в одной фирме, потом оттуда ушла, не выдержав навязчивые приставания коммерческого директора. Хотела перейти на другую работу, Настя вроде обещала устроить ее к своему двоюродному брату. Но там что-то пока не складывалось, искать самостоятельно работу не хотелось, к тому же Виталик зарабатывал достаточно, так, что Матильда уже второй месяц сидела дома. Безделье ее не тяготило, она была из тех людей, которые всегда в состоянии найти себе занятие. Занималась домашним хозяйством, научилась отлично готовить, чего раньше абсолютно не умела, записалась на шейпинг и курсы английского языка.

Однажды днем, выйдя за продуктами, в магазине Матильда встретила своего бывшего одноклассника Артема Гордева. Когда-то, в классе девятом он за ней пытался ухаживать. Несмотря на то, что их дома находились прямо один напротив другого, так получилось, что они не виделись больше двух лет. Артем сообщил, что работает охранником в ночном клубе и днем всегда сидит дома.

Они стали периодически созваниваться днем, встречаться и пить кофе в небольшой уютной кофейне возле их домов. Пару раз Матильда приглашала Артема к себе в гости. Дома у нее кофеварки не было, и она варила кофе на плите в турке. Артем пил кофе и жаловался Матильде на свою жену. Судя по его словам, та была той еще стервой.

Однажды Матильда в очередной варила кофе, тот стал закипать, она подняла турку с огня, чтобы переставить на другую конфорку. В этот момент раздался звонок домашнего телефона. Звонок был резким, громким (на домашний сто лет уже никто не звонил), от неожиданности Матильда вздрогнула и облила себе руку горячим кофе.

Оказалось, что не туда попали. Ожог был не сильный, но руку неприятно пощипывало. Вернувшись на кухню, Матильда засунула ее под холодную воду – сразу же стало легче.

– Дай я посмотрю, – предложил Артем. Он взял ее руку, внимательно осмотрел и стал дуть на ожог. От его дыхания боль совсем утихла. Затем он развернул ее руку и поцеловал

в ладошку.

– Не надо, – сказала Матильда.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Артем, обнял ее за талию и притянул к себе. Она почему-то не сопротивлялась. Он поцеловал ее в висок, потом в губы. Стал расстегивать халат, от нетерпения у него дрожали руки, и он никак не мог справиться с многочисленными пуговицами. Матильда стояла, зачем-то положив ему на плечи руки, молча наблюдала за его действиями. Распахнув халат, Артем, грубо обвив ее руками, так же нервно начал сражаться с застежкой на лифчике. Это у него получалось еще хуже.

Артем поднял Матильду на руки и понес в комнату на диван. Она по-прежнему не сопротивлялась. Вообще, Матильде казалось, что это происходит не с ними, что на все это она смотрит как бы со стороны, как на каких-то незнакомых людей. Ей было даже интересно, ведь она никогда не наблюдала в живую, как занимаются любовью мужчина и женщина. У женщины было красивое ухоженное тело: стройные длинные ноги, с изящными икрами, тонкая талия, высокая грудь (Артем все-таки справился с лифчиком) с маленьким розовыми сосочками. Мужчина брал ее грудь в свою широкую ладонь, жадно мямл, слюнявил соски. У него оказался небольшой, даже в чем-то приятный животик с полоской черных густых волос, уходящей от солнечного сплетения к пупку и дальше вниз, расцветая пышным кустом вокруг крепкого, толстого столба.

Артем навалился на нее всем телом, неловко вошел куда-то вбок так, что Матильде стало больно (то есть, конечно, не ей, а той женщине с розовыми сосочками!). Страстно бормотал что-то на ухо, но она, к сожалению, была слишком далеко от этой пары и не могла разобрать ни одного слова.

С этого момента Артем начал захаживать постоянно. По какому-то странному графику; позже Матильда узнала, что его жена работает продавщицей сутки через двое, и именно в эти ее рабочие сутки, Артем и являлся. Они пили кофе, болтали о всяких мелочах, он также жаловался Матильде на свою супругу, находя каждый раз все новые и новые поводы для сетований. В общем, вели себя так, как будто между ними никогда ничего не было, не будет и быть не может.

Допив кофе, Артем молча подходил к Матильде, мял грудь через застегнутый халат, затем подхватывал на руки и также безмолвно уносил в спальню. Только глаза у него в этот момент становились какими-то безумными, как будто затянутые белесой пленкой, про себя Матильда называла их «рыбьими». Также входил в нее, грубо, без всякой предварительной ласки, и очень быстро, казалось, даже стыдливо, кончал ей на живот. Затем, полежав некоторое время в сексуальном бессилии, Артем вставал, шел в ванную, поддерживая рукой полуспущенные штаны. Шумел там водой, одевался и уходил.

Матильда постоянно анализировала то, что с ней проис-

ходило. Несмотря на то, что мужа своего она не любила и относилась к нему с долей презрения, изменять ему она не в коем случае не хотела. Даже в своей нелюбви она желала оставаться честной к нему.

Матильда осознавала, что физически («то есть «де-юре», – всплыло у нее в голове) она ему изменяла, однако от секса с Артемом удовольствия никакого не получала, так что «де-факто» измены за собой не ощущала. Матильда понимала, что это донельзя глупо, она знала, что это неправильно, неразумно, что это не в коем разе не оправдание, но она и не хотела оправдываться.

Главный вопрос, которым Матильда постоянно себя мучила: «зачем ей это было вообще нужно?» Она отвечала сама себе, что это ей и не нужно, что это, вообще, происходит не с ней, а с другой женщиной, той самой с розовыми сосочками. Это было еще нелепее (она это прекрасно понимала), но... встречи с Артемом продолжались.

Был понедельник. В два у Матильды должен быть шейпинг, она почти закончила уборку и начала потихоньку собираться на тренировку. Артем зашел в половину первого.

Виталик оставил дома папку с рабочими документами и решил заскочить за ними домой. Матильда в полурасстегнутом халате мыла на кухне кофейные чашки, Артем в прихожей надевал ботинки.

Доказательства измены были не явными, их можно даже

свести на нет, если бы не ее испуганный взгляд и нервная торопливость Артема. Однако эта недоказанность позволила Артему спокойно попрощаться и уйти.

– Я очень голодный, у нас есть что-нибудь покушать? – спросил Виталик у жены, как только захлопнулась дверь.

– Конечно, конечно, я сейчас разогрею, – засуетилась Матильда.

Пока Виталик мыл руки в ванной, она разогрела ему в микроволновке вчерашние свиные отбивные, вымоченные в чесночном соусе с запеченной картошкой. Салат из помидоров с огурцами залила подсолнечным маслом и положила на отдельную тарелку: муж не любил, когда горячее и овощи находились вместе. Налила апельсинового сока в его стакан – длинный из тонкого матового стекла. Набор из шести таких стаканов им подарили на свадьбу, тот оказался крайне невезучим и уже через полгода из шести остался только один стакан, но за то (или от того) очень любимый Виталиком.

Виталик вернулся из ванной, сел за стол.

Пока он кушал, Матильда, встав у холодильника, нервно покусывая ногти, наблюдала за его трапезой.

– Это не то, что ты думаешь! – с неожиданным для самой себя надрывом, почти прокричала она.

– Угу, – бросил ее муж, даже не подняв головы от тарелки.

– Это не то, что ты думаешь, я с ним не спала! – истерично повторила она.

– Я ничего и не думаю.

– Ты никогда ничего не думаешь, тебе всегда все равно, – с вызовом бросила Матильда, развернулась и ушла к себе в комнату.

Подождав, когда захлопнется за ним дверь, она вернулась на кухню. На столе, рядом с аккуратно составленной грязной посудой: в тарелке блюде из-под салата, на нем вилка с ножом и стакан, лежали три купюры по тысяче рублей.

С работы Виталик пришел, как обычно, в пол восьмого вечера. Матильда на встречу ему не вышла. Закрывшись в комнате, она стала внимательно прислушиваться к создаваемым им в квартире звукам.

С порога Виталик направился в туалет, затем в ванную, вдруг, не выключая воды, вышел, куда-то... «В комнату, кухню? Зачем? – размышляла она. – Тьфу, в кладовку!...» – мысленно хлопнула она себя по лбу. Утром закончилось мыло, а она же забыла положить новый кусок. Затем на кухне – звон крышек от кастрюль, видимо, смотрит, что она приготовила. Взял себе тарелку с полки над посудомойкой. Полез в холодильник за соком. Закрываясь, тот тихонько чпокнул резиновой прокладкой двери.

«Даже не зашел поздороваться! – разозлилась Матильда. – Ну и не надо!» Взяла из шкафа первую попавшуюся книгу, оказавшейся «Энциклопедией молодой семьи» («И откуда вообще у нас такая дурацкая книга!» – еще больше разозлилась она), раскрыла ее на середине, начала читать. Получилось плохо: мысли были где-то в другом месте, к тому же

открыв наугад, Матильда попала на главу, в которой описывалось строение женских половых органов.

Через некоторое время, поняв по звукам, что муж ушел в свою комнату, Матильда отправилась на кухню. На столе такая же аккуратная стопка из посуды и пять тысяч одной купюрой.

Матильда кинулась к мужу:

– Зачем ты это делаешь? Может теперь, ты теперь и за секс будешь мне платить, а? Сколько, интересно, это у тебя будет стоить?

– Оставь меня, пожалуйста, я очень устал на работе, – произнес Виталик, демонстративно включая телевизор.

Это были последние слова, которые Матильда от услышала от мужа. С этого дня Виталик стал оставлять ей за еду деньги: завтрак он оценил в три тысячи, ужин – в пять. Меньше чем, через месяц Матильда сошла с ума.